

крылся ресторан — одно из популярных мест, где собиралась военная элита и высшие чиновники, работал кинотеатр, в репертуаре которого имелись и европейские фильмы, в окнах здания полиции зажёгся свет. Почти напротив колодца — цели диверсантов-разведчиков — находилось здание банка и узел связи. Нужно было превратиться в невидимок, чтобы на многолюдной площади, на виду у поста полиции незаметно открыть люк колодца и в течение пяти минут заложить в него взрывчатку.

Конечно, руководство афганской контрразведки имело информацию о готовящемся перевороте, но никто не ожидал, что операция начнётся к концу рабочего дня, так напористо и нагло.

Три машины УАЗ медленно выехали на площадь. Группой командовал опытный диверсант-разведчик Борис Плескунов. Две подъехали к посту офицеров полиции. В группе был таджик, он завязал с афганскими офицерами дружескую беседу. Третья машина остановилась у люка в центре площади. В восемнадцать пятнадцать пять взрывчатка была установлена. Механизм взрывателя поставлен на пятнадцать минут. Три машины с людьми в камуфляжных куртках растворились в сумерках. В девятнадцать часов в Кабуле начинался комендантский час, улицы становились безлюдными.

В это время группа «Зенит» во главе с полковником Бояринцевым на четырёх бронированных машинах заняла позиции в пятистах метрах от дворца Амина. Группа «Молния» и мусульманский батальон находились на своих рубежах. Сотни стволов были направлены на здание дворца, у каждого своя, заранее выверенная цель. В шестидесяти километрах от столицы, в Кандагаре, приземлялись первые транспортные «Илы», неся в своих чревах сотни молодых десантников витебской дивизии.

Никто тогда и предположить не мог, что взрыв, который с таким нетерпением ожидали сотни людей, вовлечёт СССР в изнурительную десятилетнюю войну.

Девятнадцать ноль три. Бояринцев взглянул на часы: взрыва нет. Прошло ещё десять минут. Диверсанты-разведчики стояли у машин, курили, кто-то пытался шутить. Вот улыбочивый Эвальд Козловский говорит невозмутимому гиганту Сергею Голеву, что тому нужна бронемашина особой конструкции, а тот по-детски внимательно слушает...

И вдруг над Кабулом ухнуло. Птицы сорвались в небо. Взрыв был слышен не только в городе, но и за десятки километров. Девятнадцать пятнадцать. В эфире прозвучала долгожданная фраза: «Штурм-333». «Огонь!» — закричали командиры рот мусульманского десантного батальона. Сотни трассирующих огней ударили по целям. «По машинам», — скомандовал Бояринцев и легко выпрыгнул в бронированное пространство.

Свирепо урча, машины летели на полной скорости. По броне стучали горохом пули защитников, ударили гранатомёты, послышались взрывы. Начался подъём, скорость колонны уменьшилась, до стен дворца оставалось метров тридцать, когда третий бронетранспортёр был подбит и загорелся. Первые две машины, выбив ворота, ворвались во двор. Диверсанты-десантники рассыпались цепью на первой террасе, заработали автоматы. Аминовские гвардейцы после шока внезапной атаки пришли в себя и открыли ожесточённый огонь.

Пули свистели над головами бойцов. Подняться в атаку было невозможно. До

дверей цокольного этажа с десятков метров. Уверенный голос командира привёл в чувство распластавшихся на каменных плитах людей. Говорят, его услышал даже Амин. Бояринцев поднялся во весь рост и подбежал к колонне, стреляя на бегу из Стечкина.

— Веселей, соколы. Козловский, Голев за мной. Корней заткни эту точку, мать её! — голос командира сорвался.

Когда 57-летний полковник бежит на амбразуру, не замечая пуль, подчинённым стыдно лежать на холодном граните вниз лицом. Диверсанты поднялись. Пули щёлкали о бронезилеты, но солдаты не замечали контузий.

Они катились железным потоком, в котором кипела страсть, ярость и воля к победе. Казалось, люди ли это? Появились первые тяжелораненые. Многоствольные «шилки» десантников плевались огнём, срезая пулемётные гнёзда, кроша металл дзотов, в пыль превращая бетон.

— Серёга, чего глядишь на двери, как солдат на вошь, у тебя же в руках «муха», — крикнул напарнику с весёлой яростью Козловский, — Ну-ка, ... её.

— Корней, пригнись, — прохрипел Бояринцев.

Огненная струя пронеслась над головами, обдав диверсантов жаром. Двустворчатых дверей как не бывало.

— За мной, мужики, — крикнул Бояринцев и первым бросился в задымлённый проём. Откуда-то из-за двери метнулась тень с ножом в руке, но Голев успел перехватить руку и ударом автомата раскроил

сил куда-то вверх: вокруг были только свои. После взрыва группа бросилась вверх по лестнице и, выскочив на первый этаж, напоролась на кинжальный огонь защитников. Где-то рядом раздался взрыв. Черняев оглянулся, ища взглядом командира, и увидел, как тот неестественно согнулся, рукой сжимая горло, и привалился к стене.

— Мужики, командира ранило, — крикнул Черняев. — Прикройте меня.

Автоматы затрещали яростнее. Под свистом пуль Черняев подскочил к Бояринцеву. Он был жив, но хрипел, пытаясь что-то сказать. Из горла хлестала кровь. Глаза налились от напряжения кровью, губы шептались: «Вперёд!». Второй рукой, сжимавшей Стечкин, он указывал на парадную лестницу, ведущую на второй этаж в покои Амина. Черняев понял: с этой минуты командиром становится он.

— Мать вашу, вперёд! — еле слышно прохрипел командир и потерял сознание.

Раненого командира оставили на печенье молодого диверсанта, а сами рванули дальше — до приёмной Амина было рукой подать. На пути преградой стала широкая мраморная лестница, застланная ковром, по которой ещё вчера Черняев проходил с переводчиком. Раненых и контуженых становилось всё больше, были убитые. Напряжённый бой шёл более часа, но обещанный резерв не подходил. Где-то в противоположном конце здания слышалась стрельба: это пробивалась группа «Молния». Рядом, отчаянно сражалась, сметая гвардейцев, группа под ко-

лько шестеро. Выстрелы со стороны защитников становились реже. Бой завершился.

Остатки группы «Зенит» во главе с Черняевым ворвались в приёмную, но их опередили диверсанты из другой группы. В углу комнаты, сидя на полу, умирал тяжелораненый молодой адъютант Амина. Оторванная по колено нога лежала рядом в луже крови. Бледный, он попытался поднять руку с пистолетом, целясь в Черняева, но очередь Голева оборвала его жизнь. У порога в крови лежал мёртвый переводчик.

С жилой половины послышались женские крики о помощи. Черняев бросился вперёд, увлекая за собой товарищей. Они пробежали через кабинет и, выставив вперёд оружие, вошли в личные покои Амина, откуда доносились крики. Глава государства с белым шарфом на шее лежал на смятом ковре в луже крови. Глаза были выпучены, лицо искажено. Над ним склонились двое афганцев, щупая пульс. В стороне стояло несколько диверсантов. Старший из группы «Молния», увидев Черняева, подошёл к нему и попросил покинуть помещение.

— Коллега, вы выполнили свою работу, не мешайте делать нашу.

— Вам придётся долго отмывать руки, — проговорил Черняев с расстановкой, не собираясь никуда уходить.

— Это внутреннее дело афганцев. Мы туда не лезем. А вы пойдёте под трибунал за срыв задания, — зарычал спецназовец.

— Возьмите его, — коротко на ходу бросил Черняев своим товарищам, устремившись в соседнюю комнату, где ещё были слышны крики о помощи. Он успел вовремя. Цветастую группу женщин, детей и подростков — это были жёны и дети Амина — трое афганцев загнали в угол. У Черняева не было сомнений в их намерениях, и свершилось бы страшное — то, что потом не вымарать ни одному летописцу, опоздай Черняев со своими людьми хоть на минуту.

Командир не целясь дал короткую очередь над головами убитых, приведя их в чувство. Почувствовав силу, шакалы заскулили и ретировались.

Вдруг к ногам Черняева бросилась маленькая девочка, та самая, подарившая вчера куклу, которая назвала его своим другом. Черняев взял её на руки. Малышка что-то лепетала, размазывала кулачком слёзы.

— Как напугали ребёнка! — проговорил Черняев, обратившись к Голеву. — А ты, — командир улыбнулся девочке, — больше ничего не бойся.

Малышка, будто почувствовала его добрую силу, крепко обняла Черняева за шею.

— Первый, первый, я «Зенит», — проговорил в микрофон Черняев. — «Клёну» конец.

Под охраной «зенитовцев» семью Амина передали в руки представителей посольства.

В два часа ночи выступил по радио Барбрак Кармаль, который сообщил, что ненавистный режим диктатора Амина пал и с этой минуты афганские народы обретут мир и покой под защитой новой власти.

Все диверсанты-разведчики, принимавшие участие в штурме дворца Амина, получили ранения и контузии. Погибли три лучших офицера, в том числе полковник Бояринцев. Тяжелораненых в ту же ночь самолётами перебросили в ташкентский госпиталь, а некоторых отправили в Москву...

Коллаж Елены Степановой

череп гвардейцу. Вперед показался лестничный пролёт. Из-за него вспыхивали автоматные очереди.

— Козловский, гранатой! — командовал Бояринцев. — Корней, поддержи огнём! Голев, прикрой спину!

Бросок гранаты был удачным: послышались крики и стоны раненых. Бояринцев и Черняев выпустили в этом же направлении по несколько длинных очередей. Стоны затихли. На мгновение наступила пауза. В захваченный проём входили группы, отставшие во время боя. Диверсанты по пять-семь человек растекались по многочисленным помещениям цокольного этажа. Стреляли со всех сторон.

— Не останавливаться! — прокричал Бояринцев. — Только вперёд!

Группа подбежала к пролёту лестницы, прикрываясь огнём автоматов. Вдруг Голев увидел, как к ногам командира, подпрыгивая, упала граната и подкатилась дальше к Козловскому, который её не заметил.

— Эвальд, граната, — рыкнул напарник. Эвальд машинально схватил её и бро-

мандованием лейтенанта Якова Семёнова. Они дрались ножами, крушили головы противника автоматами, сотрясая воздух ядрёным матом. Боеприпасы закончились. Подмоги не было.

— Первый, первый, — кричал Черняев по радию срывающимся голосом, — я «Зенит». Ведём бой у парадной лестницы, боеприпасы на исходе. В строю осталось десять бойцов. Просим помощи.

Из микрофона послышалось: — «Зенит», приказываю продолжать наступление, резерв на подходе. О взятии второго этажа доложите. Конец связи.

Черняев огляделся. Рядом короткими очередями вёл стрельбу, экономя патроны, Эвальд Козловский. Только сейчас он заметил, что разведчик был без бронезилета и каски. Черняев жестом дал команду начать атаку.

Голев бросил гранату, а за ней ещё одну туда, откуда яростно бил пулемёт, и после взрывов с криком «Пошли, ребята!» первым бросился вверх по лестнице. Из пятидесяти двух бойцов, ворвавшихся во дворец Амина, на второй этаж поднялись